

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

МУЗЕЙ-УСАДЬБА Л. Н. ТОЛСТОГО «ЯСНАЯ ПОЛЯНА»

ТЕКСТ И ТРАДИЦИЯ

альманах

6

Санкт-Петербург
«Росток»
2018

УДК 82.161.1(051.4)
ББК 83.3(2РОС=РУС)6Я5
Т30

Издание осуществлено попечением Петра Авена

Редационный совет альманаха «Текст и традиция»

Евгений Водолазкин (*Санкт-Петербург*) — главный редактор

Всеволод Багно (*Санкт-Петербург*) • Павел Басинский (*Москва*) •
Алексей Варламов (*Москва*) • Игорь Волгин (*Москва*) •
Андрей Дмитриев (*Санкт-Петербург*) • Оливер Реди (*Оксфорд*) •
Татьяна Руди (*Санкт-Петербург*) • Владимир Толстой (*Ясная Поляна* —
Москва) • Лиза Хейден (*Скарборо, США*) • Роберт Ходель (*Гамбург*) •
Елена Шубина (*Москва*) • Леонид Юзефович (*Санкт-Петербург*)

Т30

Текст и традиция: альманах, 6 / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом)
Рос. Акад. наук, Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна». —
Санкт-Петербург: Росток, 2018. — 460 с.
ISBN 978-594668-259-6

Альманах «Текст и традиция» издается Пушкинским Домом и Ясной Поляной, двумя известнейшими «литературными домами» России. Одной из важных его задач является рассмотрение современной русской литературы в контексте литературной традиции — классической и древней. В определенном смысле альманах соединяет в себе черты научного и литературного («толстого») журналов: в соответствующих разделах публикуются исследования академического типа и литературные эссе. Особое место в издании занимают диалоги участников литературного процесса на историко-культурные темы, а также публикация архивных материалов.

УДК 82.161.1(051.4)
ББК 83.3(2РОС=РУС)6Я5

ISBN 978-594668-259-6



- © Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2018
- © Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», 2018
- © Е. Г. Водолазкин, концепция, составление и редактирование, 2018
- © Коллектив авторов, 2018
- © ООО «Издательство “Росток”», 2018

Содержание

К ЮБИЛЕЮ АЛЕКСАНДРА ИСАЕВИЧА СОЛЖЕНИЦЫНА (1918—2018)¹

<i>Андрей Аръев (Санкт-Петербург)</i> Изгнание, где твое жало?	7
<i>Жорж Нива (Женева)</i> От темниц Пиранези до бреда бедного зэка Люцифера, или Как писать о тюрьме и о лагере	18
<i>Людмила Сараскина (Москва)</i> Хаос невидимый, предвиденный и зримый: От «Бесов» к «Красному колесу»	26
<i>Наталья Поньрко (Санкт-Петербург)</i> Россия в изгнании: Взгляд А. И. Солженицына на старообрядчество	50
<i>Марко Саббатини (Пиза)</i> Лагерная проза Солженицына в зеркале итальянской критики 1960-х — начала 1970-х годов (<i>предварительные заметки</i>)	62

ACADEMIA

<i>Ирена Шпадиер (Белград)</i> «Несходные подоби́я»: Средневековье и современное искусство	77
--	----

¹ Представленные в разделе статьи подготовлены по материалам конференции «Писатель в неволе: Ссылка, каторга, тюрьма в творчестве А. И. Солженицына и мировой литературе» (Санкт-Петербург, Пушкинский Дом, 20–22 ноября 2017 г.).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Андрей Рангин (Москва)</i> «Княжна Мери» М. Ю. Лермонтова и «Поединок» Е. П. Ростопчиной: К вопросу о литературном контексте «Героя нашего времени»	94
<i>Людмила Луцевич (Варшава)</i> «Буду говорить, как сам видел, чувствовал — от чистого сердца...»: Николай I о русской политике	107
<i>Сергей Кибальник (Санкт-Петербург)</i> Гипертексты «Преступления и наказания» в русской литературе конца XIX — начала XXI века	128
<i>Алла Грачева (Санкт-Петербург)</i> Отблески Серебряного века в «Дневнике мыслей» Алексея Ремизова	140
<i>Татьяна Двинятина (Санкт-Петербург, Бремен)</i> Записи И. А. Бунина 1934—1939 годов: разрозненное и уцелевшее	155
<i>Михаил Эпштейн (Атланта)</i> Лунная теология в «Мастере и Маргарите»	173
<i>Таня Попович (Белград)</i> Идеология красоты и бунта: О романах Ю. Мисимы и Ф. М. Достоевского	178
<i>Анатолий Кулагин (Коломна)</i> Михаил Анчаров и Борис Корнилов: У истоков авторской песни	195
<i>Роберт Ходель (Гамбург)</i> Проза Драгослава Михайловича: Попытка синопсиса	217
<i>Габриэлла Элина Импости (Болонья)</i> Краски памяти в творчестве Нины Габриэлян	235

VOX SCRIPTORIS

<i>Павел Нерлер (Москва)</i> Осип Манделъштам и оптика трех революций	249
--	-----

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Игорь Волгин (Москва)</i> «Нам не дано предугадать...» Эдуард Бабаев: судьба филолога	300
--	-----

<i>Владимир Березин (Москва)</i> Русская орнитология	326
---	-----

ИСТОРИЯ КНИГИ. ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

<i>Евгений Абдуллаев (Ташкент)</i> «Поклонение волхвов»	357
--	-----

<i>Владимир Медведев (Москва)</i> «Заххок»	367
---	-----

<i>Алиса Ганиева (Москва)</i> Путь и опьянение	387
---	-----

<i>Александр Снегирев (Москва)</i> Делиться наслаждением	392
---	-----

<i>Наринэ Абгарян (Москва)</i> О женщинах	397
--	-----

АРХИВ

Из архива Лидии Михайловны Лотман Публикация Ларисы Найдиз (Иерусалим)	403
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Павел Глушаков (Рига)</i> Время истоков	445
---	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	449
----------------------------------	-----

**К ЮБИЛЕЮ
АЛЕКСАНДРА ИСАЕВИЧА
СОЛЖЕНИЦЫНА
(1918—2018)**

Россия в изгнании: взгляд А. И. Солженицына на старообрядчество

Россия в изгнании. Мы привыкли воспринимать это понятие как относящееся исключительно к трагедии первой волны русской эмиграции, выброшенной за пределы родины октябрьским переворотом 1917 года. Но была и есть еще одна Россия, которая оказалась в изгнании намного раньше, трагизм положения которой очень долго вовсе не осознавался мыслящими представителями нашего общества. Я говорю о старообрядчестве. Что, как не изгнание, было причиной появления русских старообрядческих поселений на землях Польши, Румынии, Болгарии, Австрии, Китая, Австралии, Бразилии, Боливии, Уругвая, Аргентины, США, Аляски? Большинство из названных мини-диаспор существует и сегодня, их представители сохраняют веру своих предков и полноценный русский язык. Их бегство началось в XVII веке и прежде всего заключалось во внутренней эмиграции, которой способствовала обширность неосвоенных земель Российской империи, где можно было на какое-то время спрятаться, — в глухих и непроходимых керженских лесах, или в заонежских дебрях, или в глубине сибирской тайги. К концу XIX — началу XX столетия тиски правительственного и церковного преследования старообрядцев стали постепенно ослабевать, чему немало способствовал Высочайший указ 1905 г. о веротерпимости. Но период свободы оказался чудовищно краток: с осени 1917 года перед лицом безбожной власти гонимыми оказались представители всех конфессий. К преследованиям за веру присоединилась коллективизация, эта, по выражению А. И. Солженицына, великая Чума русского крестьянства. И надо сказать, что в борьбе с коллективизацией крестьянам-старообрядцам, с их многовековым опытом

«бегунства», удалось кое-где на территории СССР создать крошечные островки России в изгнании. Но какой ценой! Достаточно напомнить историю семьи Лыковых, в 1930-е годы укrywшихся от коллективизации в непроходимой части Саянских гор.¹ Были и другие редкие поселения, исхитрившиеся прожить некоторое время в СССР по чуждым ему законам. Большая же часть старообрядцев бежала в 30-е годы от коллективизации в Китай. А уже оттуда, с приходом в 1949 году советской власти и в Китай, рассеялась по Южной и Северной Америке, Австралии.

В свое время Владимир Павлович Рябушинский — представитель известной старообрядческой династии промышленников, закончивший свою жизнь в эмиграции бессменным главой общества «Икона» при Сергиевском институте в Париже, — в работе 1936 года «Старообрядчество и русское религиозное чувство» так сформулировал последствия раскола Русской церкви, случившегося в XVII веке: реформы Никона, а затем Петра I «раскололи русских на два народа, каждый со своей культурой, — на мужика и на барина».²

В середине — второй половине XVII века, когда создавалась литература раннего старообрядчества, признаки этого культурного раздвоения еще только зарождались: боярыня Федосья Прокопьевна Морозова и протопоп Аввакум, воспитатель царевича Алексея Алексеевича окольничий Федор Михайлович Ртищев и юродивый Афанасий, царь Алексей Михайлович и духовный отец протопопа Аввакума инок Епифаний, — все они принадлежали к одному «народу», говорившему, в широком смысле, на одном языке и читавшему одни книги. Но уже к началу XVIII века пути «барина» и «мужика» стали зримо расходиться, и языки, на которых они говорили, делались всё менее понятны один другому, и книги, которые они читали, стали разными. Старообрядческая культура — это та культура «мужика», которая на протяжении XVIII—XIX веков оставалась неведомой, непонятной и неинтересной «барину», представителю господствовавшей культуры.

ГУЛАГ XX века дал «барину» возможность понять «Раскол». Обратимся к Житию боярыни Морозовой, к той его заключительной части, где речь идет о последних днях сестер Федосьи и Евдокии, умирающих от голода и мучений в земляной тюрьме.

«И в таковой великой нужи святая Евдокия терпеливо страдала, благодарящи Бога, месяца два и пол, и преставися сентября

¹ См.: Песков В. М. Таежный тупик. М.: Молодая гвардия, 1990.

² Рябушинский В. П. Старообрядчество и русское религиозное чувство / Сост., вступ. очерк и коммент. В. В. Нехотина, В. Н. Анисимовой, М. Л. Гринберга. М.: Мосты культуры, 2010. С. 51.

в 11 день. И бысть преставление ея слезно. Егда бо изнеможе от великаго глада и невозможно ей стоящи молитися <...> возляже. <...> Егда же виде себе Евдокия нарочито изнемогшу, глагола великой Феодоре (иноческое имя боярыни Морозовой. — Н. П.): “Госпоже мати и сестро! Аз изнемогах и мню, яко к смерти приближихся <...>. Молю тя, госпоже, по закону християньскому, — да не пребудем вне церковнаго предания, — отпой мне отходную, и еже ты веси — изглаголи, госпоже, а еже аз свем, то аз сама проговорю”. И тако обе служили отходную, и мученица над мученицею в темной темнице отпевала канон (канон на исход души. — Н. П.), и юзница над юзницею изроняла слезы».³

Вряд ли найдется во всей русской литературе сцена, более пронзительная по своему содержанию. О том, что перед нами не литературный вымысел, а историческое свидетельство, порукой весь фактографический строй Жития, написанного родным братом мучениц Федором Прокопьевичем Соковниным. Автору важен эффект исторического свидетельства, который в приведенном фрагменте достигается через воспроизведение речи персонажей, представленной не в стерто-нейтральной форме, а с индивидуально-интонационными особенностями. Кроме того, всё, что нам внятно сегодня, что продолжает жить в духе наших дней, обладает эффектом достоверности. Мы угадываем многие детали описываемого потому, что многое в Федосье Морозовой близко и понятно нам по духу. И слишком многое нам близко и понятно в истории «ГУЛАГа XVII века» из-за того, что после XVII века был век XX с его собственным ГУЛАГом. Духовный поединок боярыни Морозовой с царем и его подручными доступен нам в его психологических деталях потому, что нам понятны психологические детали духовных поединков, совершавшихся в застенках ГУЛАГа в наш век — если не на собственном опыте, то через таких свидетелей, как Солженицын и Шаламов.

У А. И. Солженицына в романе «В круге первом» есть эпизод с ночным допросом (боярыню Морозову тоже допрашивали по ночам) инженера Бобынина в приемной министра госбезопасности Абакумова. Бобынин отказывается стоять во время допроса (и боярыня Морозова отказывалась стоять перед допрашивавшим ее чудовским архимандритом Иоакимом). Усевшись с вызовом в удобное кресло (опешивший министр даже не успел крикнуть ему «Встать!»), Бобынин на вопрос Абакумова «Но вы представляете, кем я могу быть?» — невозмутимо отвечает: «Ну — кем? Ну, кто-нибудь вроде маршала Геринга?» И затем герой Со-

³ Повесть о боярыне Морозовой / Подгот. текстов и исследование А. И. Мазунина. Л.: Наука, 1979. С. 150.

лженицына произносит свой потрясающий монолог о том, что лишенный всего — жены, ребенка, родителей, внешней свободы, всякого имущества, вплоть до носильной одежды — человек делается «снова свободен».

Житие боярыни Морозовой — это повесть о духовном поединке боярыни с царем в борьбе за старую веру. Чем больше лишалась боярыня всего, что может иметь человек в земной жизни, тем свободнее делалась она перед своим соперником. Сына ее уморили, пытками на дыбе лишили ее красоты и здоровья, несметные богатства ее имений конфисковали, под конец отобрали даже четки (лестовку) и почти всю одежду. Наконец, она проводила в последний путь самое дорогое, что при ней еще оставалось, — любимую младшую сестру, спутницу всех ее страданий. В этот момент царь вновь прислал к ней своего посланца с уговорами хотя бы «мало покориться», надеясь, что, испытав последнюю потерю, она уступит. Но она взметнулась всем своим существом, возмущенная тем, что ей предлагают погубить всё, в то время как она уже стоит на грани обретения полной свободы: «Прочее убо вы <...> ми о сем отнюдь не стужайте! Аз бо о имени Господни умрети есмь готова!»⁴ Психологическая достоверность этого монолога боярыни Морозовой нам понятна, как понятна психологическая мотивировка монолога инженера Бобынина.

В XX веке произошли события, через которые «барину» приоткрылась возможность понять культуру «мужика». В этом отношении показательно восприятие образа боярыни Морозовой сначала русской интеллигенцией XIX века, а затем средой русских послереволюционных эмигрантов XX века. Как известно филологам-«древникам», Житие боярыни Морозовой широко распространялось среди старообрядцев с самого момента его создания. До исследователей этого памятника дошло около 40 его рукописных списков, датированных XVII—XX веками,⁵ кроме того, Житие многократно печаталось в московских, уральских и иных старообрядческих типографиях и на гектографе. То есть с момента своего создания в 70-х годах XVII века это был один из известнейших литературных памятников в «мужицкой» среде. В «господствующей» же культуре он стал известен только с 1887 г., когда был впервые опубликован известным миссионером Н. Субботиным в издаваемых им «Материалах для истории раскола за первое время его существования» (Т. 8. М., 1887). С этого момента происходит так называемое «открытие» Жития боярыни Морозовой. В. И. Суриков пишет свою знаменитую картину и выставляет ее на Пятнадцатой передвижной выставке Товарищества

⁴ Там же. С. 152.

⁵ Там же. С. 110—124.

художников. Павел Михайлович Третьяков покупает картину для своей галереи. Известен ее восторженный прием в художественных и интеллигентских кругах того времени. Но тот восторг относился главным образом к художественной реальности, а не к реальности народной жизни и истории.

И только после 1917 года в сознании русского интеллигента откроется возможность иного взгляда на личность боярыни Морозовой и в целом на эпохальный перелом, свершившийся в нашем обществе на рубеже XVII—XVIII веков. Свои мученицы за веру и за попираемый человеческий образ, сидящие в лагерях ГУЛАГа, заставят представителей Первой волны русской эмиграции вспомнить и понять мучениц XVII века.

В 1936 году — как раз в том самом году, когда Владимир Павлович Рябушинский напишет в парижской эмиграции свое эссе «Старообрядчество и русское религиозное чувство», — в том же Париже другой русский эмигрант, писатель Иван Созонтович Лукаш (1893—1940), напечатает свой очерк «Боярыня Морозова», в котором с пронзительной силой скажет об открывшейся ему сущности староверия. Боярыня Морозова предстанет перед его мысленным взором как сестра и «водительница» всех, кто остался в застенках советской России. Любовь к своим близким, преданным там на поругание и уничтожение, заставит его взглянуть с любовью и на тех, кто принял мучения во времена Раскола, заставит увидеть, что «зияющая расщелина прошла по народной душе» в XVII веке, подведет к мысли, что «страшно о том подумать, но как будто провидела Морозова, что Русь в чем-то, в самом последнем и тайном, двинулась к отлучению». Лукаш окажется в состоянии увидеть страшные глаза страдания боярыни Морозовой и княгини Урусовой в их последнем заточении («рано поседевшие, с горящими глазами, они извляли в темнице») — потому, что его преследовали мысли о «тысячах тысяч их русских сестер в теперешних Соловках и Архангельских застенках», которые «точно бы повторяют страдание Морозовой и Урусовой за Русь».⁶

Так к середине 30-х годов прошлого столетия эмигрантская Россия начинает приближаться к осмыслению проблемы Раскола XVII века, нащупывая через нее основную болевую точку нашей истории: наличие в ней разлома между культурами двух «народов» — «барина» и «мужика».

Сам разлом стал осознаваться в культуре «барина» уже к началу XX века (еще без включения в этот процесс напрямую проблем Раскола). Выразителями понимания этого явления стали авторы известного сборника «Вѣхи», вышедшего в свет в 1909 году, — знаменитая семерка имен: М. О. Гершензон, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, С. Л. Франк, П. Б. Струве, А. С. Изгоев, Б. А. Кистяковский, — те, кому предстояло в дальней-

⁶ Лукаш И. С. Боярыня Морозова // Возрождение: Еженедельная газета. Париж, 1936. № 4046—4051 (3 окт. — 7 нояб.).

шем развивать свое понимание русской действительности, но — вскоре уже — не в России, а в глубокой эмиграции, ибо приблизившаяся Первая мировая война, а за ней революция пресекали всякую возможность общественного обсуждения в России жизненно важных вопросов существования нации.

Не буду вдаваться в особенности развития «веховских» взглядов в среде Первой эмиграции. Подчеркну лишь, что ходом истории дальнейшее полноценное общественное осмысление проблемы было у нас надолго прервано: в эмиграции оказался, можно сказать, исключительно «барин», на родине, можно сказать, — только «мужик».

Поэтому, когда в 1973—1974 годах по инициативе и замыслу Александра Исаевича Солженицына был создан — подчеркиваю, в России — сборник «Из-под глыб», это стало возобновлением в России прерванно-го более чем на 60 лет разговора о болевых точках жизни русской нации.

В сборнике Солженицын публикует свою программную статью «Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни», где в рамках главной идеи о необходимости раскаяния для нации впервые в истории русской общественной мысли говорит о Расколе XVII века как корневой проблеме нашей сегодняшней жизни: «Начиная с бездушных реформ Никона и Петра, когда началось вытравливание и подавление русского национального духа, началось и выветривание покаяния, высушивание этой способности нашей. За чудовищную расправу со старообрядцами — кострами, щипцами, крюками и подземельями, еще два с половиной века продолженную бессмысленным подавлением миллионов безответных, безоружных соотечественников, разгоном их во все необжитые края и даже за края своей земли, — за тот грех господствующая церковь никогда не произнесла покаяния. И это не могло не лечь валуном на всё русское будущее».⁷ Взгляд на старообрядчество дал Солженицыну опору для обоснования того нравственного принципа общественной жизни, который был обозначен в его статье как «самоограничение»: «Мысль об общественном самоограничении — не нова. Вот мы находим ее столетие назад у таких последовательных христиан, как русские старообрядцы. В журнале “Истина” (Иоганнисбург, 1867, № 1) в статье К. Голубова, корреспондента Огарева и Герцена, читаем: “Своей безнравственную борзостью подчиняется народ злостраданию. Не то есть истинное благо, которое достигается путем восстаний и отъятия: это скорее будет бесчиние развратной совести; но то есть истинное прочное благо, которое достигается *дальновидным самостеснением* (выделено мною. — А. С.). <...> Кроме самостеснения нет истинной свободы человеческой”». «Вот, — восклицает Солженицын, — воистину христианское

⁷ Солженицын А. И. Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни // Из-под глыб. Париж: ИМКА-Пресс, 1974. С. 27.

определение свободы — свобода — это самостеснение! самостеснение — ради других!»⁸

В то же примерно время, что в издательстве «ИМКА-Пресс» вышел написанный в СССР сборник «Из-под глыб», летом 1974 года, Солженицын, уже из зарубежья, пишет Письмо Третьему собору Зарубежной Русской церкви (прочтено на одном из заседаний собора, в том же году опубликовано в «Вестнике русского христианского движения»). В нем он также поднимает тему покаяния, говоря участникам Собора о том, что было бы «историческим искажением» «представлять дореволюционную русскую Церковь как пребывающую в благосовершенстве»; напротив, «состояние русской Церкви к началу XX века, вековое униженное положение ее священства, пригнетенность от государства и слитие с ним, утеря духовной независимости, а потому утеря авторитета в массе образованного класса, и в массе городских рабочих, и — самое страшное <...> в массе крестьянства <...> — это состояние русской Церкви явилось одной из главных причин необратимости революционных событий». И опять Солженицын связывает разговор о покаянии с нераскаянной виной перед старообрядчеством: «Но я осмелюсь остановить внимание собравшихся еще на одном — дальнем, трехсотлетнем грехе нашей русской Церкви <...> грехе, в котором Церковь наша и весь православный народ — никогда не раскаялись, а значит грехе, тяготевшем над нами в 17-м году, тяготеющем поныне <...>. Я имею в виду, конечно, русскую инквизицию: потеснение и разгром устоявшегося древнего благочестия, угнетение и расправу над 12 миллионами наших братьев, единоверцев и соотечественников <...> их, кого я не назову раскольниками, но даже и старообрядцами остерегусь, ибо и мы, остальные, тотчас выставимся тогда всего лишь новообрядцами <...>. Вот как глубоко, дальне и горько-коренне — наше церковное разрознение, рассеяние и наша собственная вина в том, что постигло Россию».⁹

Стремление донести свои мысли о вине перед старообрядцами не оставляют Александра Исаевича на протяжении всех последующих лет. В 1975 году он публикует в «Вестнике РХД» «Письмо из Америки», где продолжает упорно проводить мысль: «Перед нами — два духовно возвышающих шага видятся мне, и оба они — в раскаянии... Один — взять на себя, и покаяться, и искать путей неповторения: что русская Церковь в роковую для родины эпоху допустила себя быть безвольным придатком государства <...>. Второй, ранее того, — наше безумное бесовское!

⁸ Солженицын А. И. Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни. С. 36.

⁹ Солженицын А. И. Письмо Третьему Собору Зарубежной Русской Церкви // Вестник РХД. 1974. № 112/113. С. 107–108.

гонение старообрядцев. Без этих двух истинно церковных и друг другу причинно наследовавших грехов — не в России бы родился современный терроризм и не через Россию пришла бы в мир ленинская революция: в России староверческой она была бы невозможна!»¹⁰

Летом 1994 года Солженицын возвращается в Россию. 21 января 1996 года он выступает на Четвертых Рождественских образовательных чтениях при Московской патриархии и вновь взывает о необходимости соотнести наше сегодняшнее состояние с нашим историческим прошлым: «По моему глубокому убеждению <...> первый жестокий удар нашему духовному и национальному сознанию мы нанесли себе губительным Расколом XVII века <...>. И это жестокое преследование своих единоверных мстительно, с пароксизмами усиления, продолжалось — невероятно вымолвить — 250 лет! — до 1905 года, когда и прекращено было не по раскаянию той и другой власти — а от общего сотрясения России, уже предвестника конечного обвала. Скоро минет с того года и еще столетие — и поднялись ли мы до того, чтобы наконец просить прощения у гонимых? Нет, в разных ветвях нашей Церкви решились только... *простить* (курсив А. С. — Н. П.) их, гонимых, и снять с них анафему».¹¹ Александр Исаевич имеет здесь в виду решения Поместных соборов Русской Православной Церкви и Русской Православной Церкви Заграницей 1970-х годов, на которых постановлено было считать старые обряды «равночестными» с новыми, а проклятия соборов 1666—1667 годов — «яко не бывшими».¹²

В написанном затем в мае 1998 года большом эссе «Россия в обвале» Солженицын снова повторяет: «Когда же дойдет до истинного примирения с нашей кореннейшей ветвью, со старообрядцами? Не до “прощения” их, а принесения им раскаяния за жестокие гонения в прошлом».¹³ В октябре 2000 года на Архиерейском соборе Русская Православная Церковь Заграницей принесла покаяние перед старообрядцами, обратившись к ним с «Посланием к приверженцам старых обрядов».¹⁴

¹⁰ Солженицын А. И. Письмо из Америки // Вестник РХД. 1975. № 116. С. 129—130.

¹¹ Солженицын А. И. Доклад на Четвертых Рождественских образовательных чтениях при Московской Патриархии 21 января 1996 г. // Вестник РХД. 1996. № 173. С. 225—226.

¹² См.: Деяния освященного поместного собора Русской православной церкви об отмене клятв на старые обряды и на приверженцев их // Журнал Московской патриархии. 1971. № 6. С. 5—7, 63—73.

¹³ См.: Солженицын А. И. Россия в обвале. М.: Русский путь, 2006. С. 187.

¹⁴ См.: Послание Архиерейского Собора Русской Православной Церкви Заграницей старообрядцам // Собор. 2001. № 1 (13). С. 8—9.

Мы обозрели основные высказывания А. И. Солженицына по поводу старообрядчества и Раскола, непосредственно связанные с его осмыслением русской истории. Но кроме публицистических статей есть место старообрядцам и в «Архипелаге ГУЛАГ». Во вступлении ко 2-й главе 3-го тома «Архипелага» (часть 6-я, «Ссылка») А. И. пишет: «Тут пойдет о малом, в этой главе. О пятнадцати миллионах душ. О пятнадцати миллионах жизней. Конечно, не образованных. Не умевших играть на скрипке. Не узнавших, кто такой Мейерхольд или как интересно заниматься атомной физикой». В последних словах этой фразы мне слышится актуализация в сознании Солженицына представления о двух русских «народах», уравненных одной судьбой на архипелаге ГУЛАГ.

В самом конце 1960-х годов мне довелось неисповедимыми путями судьбы оказаться среди староверов Подкаменной Тунгуски,¹⁵ представлявших один из уцелевших осколков той большой старообрядческой общины, об участии которой в самом начале 1950-х годов Солженицын во 2-й главе 3-го тома «Архипелага» написал так: «Староверы! — вечно гонимые, вечно ссыльные, — вот кто на три столетия раньше разгадал заклую суть Начальства! В 1950 году летел самолет над просторами Подкаменной Тунгуски. А после войны летная школа сильно усовершенствовалась, и догадался старательный летчик, чего 20 лет до него не видел: обиталище какое-то неизвестное в тайге. Засек. Доложил. Глухо было, далеко, но для МВД невозможного нет, и через полгода добрались туда. Оказалось, это — яруевские старообрядцы. Когда началась великая желанная Чума, то бишь коллективизация, они от этого добра ушли далеко глубоко в тайгу, всей деревней, не высовываясь, лишь старосту одного отпускали в Яруево за солью, рыболовной и охотничьей металлической снастью <...> остальное делали сами всё. <...> И так выиграли яруевские староверы 20 лет жизни! — 20 лет свободной человеческой жизни между зверей, вместо двадцати лет колхозного уныния. Все они были в домотканной одежде, в самодельных броднях, и выделялись могучностью. Так вот этих гнусных дезертиров с колхозного фронта всех теперь арестовали и вlepили им статью... ну, как бы вы думали, какую?.. Связь с мировой буржуазией? Вредительство? Нет, 58-10, антисоветскую агитацию (!?!?) и 58-11, организацию. (Многие из них попали потом в Джекказганскую группу Степлага, откуда и известно.)».

В новейшее время, благодаря археографической работе Н. Н. Покровского и его учеников, выяснилось, что А. И. Солженицын затронул здесь события, связанные с разорением Дубчесских скитов, большого куста старообрядческих поселений в бассейне реки Дубчес, левобереж-

¹⁵ Поньрко Н. Моя первая археографическая экспедиция // Текст и традиция: Альманах. СПб.: Росток, 2014. Т. 2. С. 286–293.

ного притока Енисея.¹⁶ Н. Н. Покровскому удалось познакомиться с одним из уцелевших участников тех событий, Афанасием Герасимовым, описавшим произошедшее с точки зрения старообрядческого хрониста в документальном сочинении, позднее названном «Повестью о Дубческих скитах».¹⁷ Приведу здесь пунктирно только несколько фрагментов из этой Повести:

«В 1949 году самолет часто летал над скитом и бывало садился на озеро километров около 30 <...>.

На третий день после благовещения Пресвятые Богородицы, 28 марта, часа в 4 дня я вышел из келии на улицу. Послышался крик, я глянул вправо и вижу толпу бежащих людей, похоже на татарский набег, с оружием в руках и с криком, друг друга переганяют, один другога подгоняют и от радости вскрикивают. У меня мгновенно мысли блеснули, что это солдатский отряд, идут на расхищение скита <...>.

...мимо окон замелькали бежащие люди, и потом открылась дверь и показалась стволина винтовки, а за ней голова Бакулина, ярцевского милиционера <...>.

Самих старцов пригнали в наш стан. Дня два приотдохнули, объявили выход. Приказали сена больше натаскать на поле подалее от пригонов и от стройки, также и одежд. У сена оставили двух быков, в то время был снег еще глубокий, и их было не вывести. А нас выстроили в поход, молодых запрегли в нарты, везли кое-что, а старые так брели, но все были на лыжах. Кил<ометра> 2 отошли, оглянулись — о ужас! Весь скит взялся огнем, дым и пламя летят в облака! Как было сердцу тяжело, и даже слюна не глоталась. Отошли дальше, и всё зрелище скрылось за лесом, а поджигатели догнали нас <...>.

Мы пришли на пепелище и все сяли. Это был скит матери Валентины, самих их угнали на Тогульчес во едино место, а их кельи все сожгли, недели за две ранее. Я глянул на гору, откуда шли, и ужаснулся: смотрю, человек совсем голый, только в одних кальсонах, голова раскосмачена, тянет нарту, а на нарте сидит Софронов с длинным прутом и хлещет старца по спине. Старец вывез его на гору и потом к нам пошли уже под гору. Я от такого зрелища не могу спохватиться, говорю: А кто это? Братия

¹⁶ См.: Покровский Н. Н. За страницей «Архипелага ГУЛАГ» // Новый мир. 1991. № 9. С. 77–103.

¹⁷ Опубликовано: Там же. С. 99–103 (с комментариями Н. Н. Покровского).

ответили: Это старец Ефрем. У старца лицо заплаканное, а солдаты глядят и посмеиваются <...>.

Вышли в Енисей, пристали в Ворогово. Тут была сортировка: восемь старцов и 5 бельцов взяли под стражу, и еще с ними троих семейных: Лаптева Кирила и двух братьев Кропочевых Хрисанфа и Антипа, всего 16 человек. Из женщин 12 стариц и двух дев также взяли под стражу. Шесть стариц и девять дев отпустили на свободу, вернее сдали в колхоз. Скота сдали в Вороговский колхоз. Но к большому удивлению, скитский скот не соединялся с колхозным скотом, ходил отдельно и стал худеть и тощать и потом, говорят, весь пропал.

29 человек увезли на барже под конвоем в Красноярск. Там держали следственно почти год. Ложные обвинения приписывали, морили и безсонницей томили, говорили: Признайтесь, что вы вели агитацию против советской власти. Старцы отпирались на голову, что не было этого. Следователь говорил: Но вот вы бывало же, сойдется двое-трое и говорили что-нибудь про душу. Старцы говорили: Но это конечно было, наша основная цель говорить о спасении души. Следователь сказал: А вот это и есть агитация против советской власти. Лукавым и насильственным путем всех обвиненных сделали друг на друга показателями и свидетелями в преступлении. И осудили некоторых на 25 лет, это старших, а других на 15 и на 10 лет».¹⁸

Яруевские старообрядцы. Можно с полной уверенностью говорить, что речь в «Архипелаге» идет о селе Ярцево, расположенном по среднему течению Енисея несколько выше впадения в него рек Подкаменная Тунгуска и Дубчес. В 1940—1950-е годы в Ярцеве находился центральный пункт управления «спецпереселенцами», ссылавшимися в Красноярский край. Палеографически вполне понятно, как в рукописи «Архипелага» появилось на месте *ц* — *у*: в почерке того, кто сообщил Александру Исаевичу об этом факте, *ц* имело довольно крупную нижнюю петлю — как, например, в почерке Д. С. Лихачева, — и тогда эту *ц* легко было бы принять за *у*, что и произошло. Высказывая такую поправку, я руководствуюсь словами самого А. И. Солженицына, сказанными в Послесловии к «Архипелагу ГУЛАГ»: «Эту книгу писать бы мне не одному, а раздать бы главы знающим людям и потом на редакционном совете, друг другу помогая, выправить всю <...> соберитесь, друзья уцелевшие, хорошо знающие, да напишите рядом с этой еще комментарий: что надо исправить, где надо — добавьте. <...> Вот тогда книга и станет окончательной».

¹⁸ Там же. С. 99—103.

На этих словах мне и хочется закончить настоящую статью, — на мысли о том, что книга «Архипелаг ГУЛАГ» — это наше, воистину, национальное достояние — еще *не стала окончательной*. И главное здесь не в том, что еще не написан уточняющий и расширяющий комментарий к ней, а в том, что до сих пор еще не совершился во всей полноте поворот к главному Посланию этой книги — призыву к покаянию, обращенному ко всем нам.